

Philosophie und Recht. Sonderheft «Russische Rechtsphilosophie»
(2 Heft, 1922-23), Herausg von Dr. Emse und Dr. Fr. Raab.
A. W. Zickfeldts Verlag. Osterweck-Harz. Стр. 126.

Посвящая особую книжку своего журнала русской философии права, редакция исходила из мысли, что «возрастающее потрясение духовных и социальных основ нашей (т. е. немецкой) жизни требует возможно более глубокого и беспристрастного исследования прочности этих основ. Такое исследование предполагает также свободное размежевание с такими чужими формами духовной и социальной жизни, которые, по крайней мере на первый взгляд, выросли на почве других сил, чем те, что определили собою строение нашего мира. Такой иной и мало известный нам мир представляет собою Россия». Чтобы ознакомить своих читателей с русской философией права, редакция обратилась к русским авторам, которые, как она подчеркивает, и ответственно за содержание сборника. Сама редакция не берет на себя этой ответственности не только потому, что она не считает себя достаточно компетентной в русской философии права, но и потому, что она по существу не согласна с высказанными в сборнике мыслями. В сборнике содержится, по ее мнению, «весьма существенное непонимание того, что авторы статей называют сущностью европейского духа». Однако, редакция все же решилась оставить статьи в их представленном авторами виде, ибо «указанное непонимание, в особенности же недостаточное различие между германским и романским, западно и средне-европейским мышлением» является, на ее взгляд, общей «характерной чертой русского духа».

Уже из этого критического замечания редакции видно, что предлагаемый здесь иностранному читателю сборник не ограничивается простой информацией, но преследует более широкую цель систематического и даже апологетического характера. И действительно, статья проф. П. И. Новгородцева, которой открывается сборник и к которой повидимому главным образом и относится приведенное выше примечание немецкой редакции журнала, носит больше всего информационный характер. Трактат «о своеобразных элементах русской философии права», она в сущности представляет собою рассуждение на тему «Россия и Запад», эту классическую тему русской философской публицистики. Автор поставил своей задачей дать «общую характеристику отношения русской души к праву и государству». Материалом для этой характеристики служат при этом не столько сочинения русских философов права, о которых автор пре-

небрежительно говорить, что они стоят на уровне своих западно-европейских образцов, сколько произведений Достоевского, которые представляют собою, по мнению Новгородцева, «наибольше яркое выражение русского мировоззрения и наиболее глубокия основы русской философии права». Следующим образом формулирует Новгородцев эти основы: 1. Высший социальный идеал заключается въ единствѣ всехъ людей, достигаемомъ только черезъ посредство закона Христа; 2. Единственный истинный путь къ этому идеалу заключается въ свободномъ внутреннемъ возрожденіи отдельнаго человѣка, что достигается лишь съ помощью Божественной благодати, чѣмъ отвергаются все попытки осуществленія социального идеала безъ Бога; 3. Въ этомъ процессѣ социального переустройства право и государство представляютъ собой вспомогательныя ступени развитія, которыя однако сами по себѣ бессильны преобразовать жизнь. Задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобы возможно ближе возвыситься до действительнаго идеала социальной жизни, воплощеннаго въ церкви; 4. Право и государство должны черпать свой духъ изъ высшаго закона Божьяго, заповѣди любви; 5. Совершенная гармонія на землѣ и разрѣшеніе противорѣчій между личностью и обществомъ, свободой и равенствомъ, правомъ и нравственностью немалыма какъ результатъ естественнаго развитія, мировой катастрофы и преображенія міра. Въ связи съ этимъ русское сознание отрицаетъ возможность абсолютнаго рационализированія социальныхъ отношеній (6) и всякій утопизмъ, мечтающій достигъ безъ Бога земнаго рая (7) (стр. 53 сл.).

Почтенный авторъ самъ сознаетъ, что противъ этой формулировки «основоположеній русской философии права» возможны два возраженія: 1) указанные принципы можно найти также и въ другихъ странахъ (напр. Фихте, Шеллингъ послѣднихъ періодовъ, Адамъ Мюллеръ) и 2) принципы эти въ корнѣ ложны, они подрываютъ основы всей западно-европейской цивилизаціи. Первое возраженіе Новгородцевъ отводитъ тѣмъ соображеніемъ, что соотновѣтствующія ученія западно-европейскихъ мыслителей «оставались изолированными абстраціями отдельныхъ философовъ, не имѣвшими широкаго распространенія», тогда какъ «о взглядахъ Достоевскаго можно утверждать, что они принципиально связаны съ русскими народными идеями, что они стоятъ въ тѣснѣйшей некоей связи съ ходомъ развитія русскаго народного характера, почему они и находятъ такой живой откликъ въ русскихъ сердцахъ». На второе же возраженіе авторъ отвѣчаетъ извѣстнымъ стихомъ Ал. Блока: «Да, скифы мы! Да, азіаты мы». Наконецъ, не высказываемое самимъ авторомъ, но предвидимое имъ третье

возможное возраженіе, а именно, допустимо ли отождествлять русскую философію права со взглядами Достоевскаго и тѣмъ самымъ отбрасывать, какъ «не русскій», русскій позитивизмъ, русское гегельянство, русскій трансцендентализмъ, идущій отъ Герцена русскій народный социализмъ, не говоря уже о русскомъ анархизмѣ, въ частности Бакуининѣ и Кранотининѣ, Новгородцевъ предупреждаетъ тѣмъ, что все эти теченія русской мысли онъ объявляетъ «отпадами» отъ ея подлиннаго русла, долженствующими еще болѣе подчеркнуть своеобразіе основного потока, ибо вообще русскій народъ относится, по мнѣнію Новгородцева, къ тѣмъ народамъ, судьба которыхъ отмѣчена чередованіемъ подъемовъ и паденій (сюда относятся также и евреи въ отличіе отъ медичевъ «но прямому пути расширенія своего могущества, богатства и славы» римлянъ и англичанъ). Впрочемъ, обозрѣвая на трехъ страницахъ и эти — по существу своему западнеческія — теченія, Новгородцевъ старается показать, что западно-европейскія положенія и въ нихъ видоизмѣнены въ направленіи «ископныхъ» русскихъ принциповъ». Такъ напр. гегельянецъ Чичеринъ отказывается отъ обожествленія идеи государства, противопоставляетъ государству идею личности, которая есть для него «живой носитель нравственнаго закона» и отъ совершенствованія которой зависитъ совершенствованіе учреждений (будто не дальше еще въ развѣтчаніи государства и въ утвержденіи личности пошли иные гѣмеліи гегельянцы). А позитивистъ Петражицкій выставилъ въ качествѣ опредѣляющей его правовой идеаль идеи «чужеродную позитивизму заповѣдь любви» (будто не эта именно заповѣдь стояла въ центрѣ всей «позитивной политики» Ог. Конта). Что же касается русскихъ анархистовъ, то не только Толстой, но и Бакуининъ и Кранотининъ тоже, говоритъ Новгородцевъ, ищутъ по своему высшей правды, «можно было бы даже сказать — Божьей правды, если бы только они не полагали сами этой правды... въ отрицаніи имени Бога».

Укажемъ почтенному автору еще на одно возраженіе, которое онъ самъ совершенно не предвидитъ, т. е. не считаетъ его повинному возмозашимъ: соотноствуютъ ли въ точности формулированные имъ семь основныхъ принциповъ взглядамъ самого Достоевскаго? Несомнѣнно, въ той общей формѣ, въ которой они формулированы Новгородцевымъ, они не противоречатъ взглядамъ Достоевскаго. Но уже то обстоятельство, что ихъ можно въ такой же мѣрѣ признать и за выраженіе взглядовъ славянофиловъ, заставляетъ отнестись къ нимъ съ осторожностью. Вѣдь извѣстно какъ рѣзко (въ «Дневникѣ писателя») отзывался Достоевскій о славянофилахъ и сколь русскимъ по духу и народности считалъ

онъ и русское западничество, которое, по его словамъ, «было все таки реальнѣе славянофильства и, несмотря на все свои ошибки, все таки дальше ушло, все таки движеніе осталось на его сторонѣ, тогда какъ славянофильство постоянно не двигалось съ мѣста и даже вмѣстѣ это себѣ въ большую честь». Уже поэтому указанными положеніями врядъ ли исчерпывается своеобразіе философско-правовыхъ взглядовъ Достоевскаго, и потому слѣдовало бы ожидать болѣе подробнаго и конкретнаго развитія воззрѣній Достоевскаго на государство и право, къ тому же подкрѣпленнаго ссылками на подлинныя слова Достоевскаго. Новгородцевъ изъ сожалѣнія этого не дѣлаетъ, и это лишаетъ его статью желательной убѣдительности. Точно также не подкрѣпляются фактическими данными и не согласуются съ воззрѣніями самого Достоевскаго, для котораго, какъ извѣстно, Европа была «такъ же драгоценна, какъ Россія», и приведенные выше отвѣты автора на остальные естественно напрашивающіяся у читателя возраженія. Все это придаетъ статьѣ Новгородцева иной характеръ, чѣмъ тотъ, на которой она притязаетъ по своему заглавію: она не столько выявляетъ «своеобразныя элементы русской философіи права», сколько излагаетъ собственные воззрѣнія ея автора на основныя проблемы философіи права. Правда, эта задача выполнена авторомъ съ присущимъ ему мастерствомъ, и значеніе статьи тѣмъ большее, что Новгородцевъ является бесспорно однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей этой науки въ Россіи. Интересна статья Новгородцева также и въ симптоматическомъ отношеніи. Въ ней впервые систематически формулируются философско-правовыя слѣдствія изъ того «евразійскаго» умонастроенія, къ которому тяготеетъ сейчасъ значительная часть русскихъ ученыхъ и которое такъ далеко увело въ сторону подновленнаго славянофильства и самого Новгородцева, до революціи какъ по кругу своихъ темъ, такъ и по основной своей точкѣ зрѣнія принадлежавшаго скорѣе къ западникамъ ново-кантианскаго и ново-либеральнаго направленія. Все это однако врядъ ли оправдываетъ появленіе статьи въ сборникѣ, предназначенномъ повидимому дать читателю первоначальное ознакомленіе съ русской философійю права. Что, съ другой стороны, подобныя статьи способны не столько привлечь къ русской философійю западно-европейскаго читателя, сколько внушить ему превратное представленіе о якобы «характерномъ для русскаго духа непониманіи европейскаго мышленія», — показываетъ приведенное выше примѣчаніе редакціи.

Значительно болѣе освѣдомительный характеръ носить вторая статья сборника «Русскій анархизмъ», принадлежащая перу

проф. *Е. Спекторского*. В отличие от Н. Повгородцева автор ее считает, что русский народ «особенно предрасположен к анархии и анархизму». Для него русский анархизм не отпадет от основного русла русской мысли, а как бы ее средоточие. Такой мыслитель, как Влад. Соловьев, «который любил и ценил государство», представляет собою, по мнению С., исключение. Типичными представителями русского анархизма автор считает Бакунина, Кропоткина и Л. Толстого, которым и посвящено дальнейшее, очень удачное по своему изяществу и яркости, изложение. Несмотря на то, что автор сам не симпатизирует анархизму, ему удалось вполне объективно вскрыть основные мотивы анархизма и показать образ той правды, которую, б. м. честно, искали все три русских анархиста. Для русского анархизма характерны, по мнению Спекторского, следующие черты: строго моральный характер, исключительная искренность, обуславливаемая тем, что все три основоположника русского анархизма, вышедши из рядов аристократии, должны были и действительно пытались самой жизнью своею подтвердить зашифрованную ими теоретическую идею; наличие объективной онтологической основы в отличие от субъективного антропоцентризма анархизма западного; его социальный, а не индивидуалистический характер, связанный с отрицанием эгоизма отдельной личности; и наконец психологический оптимизм, в котором, впрочем, русский анархизм совпадает с Руссо, Фурье и Гюйо. Указание на онтологическую основу русского анархизма дает автору возможность мягко противопоставить друг другу все три излагаемые им учения. Русский анархизм не противопоставляет человека природе и Богу, а, напротив, исходит из идеи примирения человека с объективными началами жизни. В этом стремлении к онтологическому «Бакунин опирается на философию истории, Кропоткин — на философию природы, а Толстой — на философию религии». Отсюда своеобразный «положительный характер русского анархизма». Характеризуя в отдельности учения Бакунина, Кропоткина и Толстого, Спекторский подтверждает свои основные положения. Менее убедительной только в своей «онтологической положительности» остается характеристика Бакунина.

Третья статья — прив.-доц. *Г. Д. Гурвич* посвящена «двум величайшим русским философам права — П. Чаперицу и Вл. Соловьеву». От обеих предыдущих статей она отличается обилием и точностью цитат, наличием библиографических указаний и, при всей краткости изложения, она дает все же довольно детальную характеристику обоих русских мыслителей,

изъ которыхъ одинъ является типичнымъ представителемъ западничества и классическаго либерализма, обосновываемаго имъ съ помощью своеобразно видоизмѣненнаго гегельянства, а второй—выразителемъ конкретнаго идеализма, развиваемаго имъ на основѣ религиозно-мистическаго міровоззрѣнія, пытающагося синтезировать славянофильство и западничество. Въ концѣ статьи дана также краткая характеристика современныхъ представителей идеалистическаго направленія въ русской философіи права — П. Новгородцева и кн. Евг. Трубецкаго. Теорія этихъ ученыхъ изображены Гурвичемъ какъ своеобразное скрещеніе мотивовъ Чичерина и Соловьева. Какъ здѣсь, такъ и особенно въ характеристикѣ Вл. Соловьева, въ общемъ очень удавшейся автору, слѣдуетъ ему только поставить въ упрекъ чрезмѣрную конструктивность изложенія, объясняемую, быть можетъ безсознательнымъ, стремленіемъ автора выдѣлить въ излагаемыхъ имъ ученіяхъ именно тѣ элементы, которые ему самому представляются систематически правильными.

Послѣдняя статья сборника — Гр. А. Ландау — посвящена психологической теоріи права Л. І. Петражицкаго. Эта теорія излагается авторомъ въ ея основныхъ философскихъ и психологическихъ предпосылкахъ. Къ сожалѣнію, Ландау слишкомъ уже кратко касается рѣшенія Петражицкимъ конкретныхъ проблемъ философіи права, въ которыхъ заключается главная сила и значеніе его теоріи, и оставляетъ также совсѣмъ въ тѣни поучительное и для западнаго читателя противоборство въ его теоріи натуралистическаго психологизма съ естественно-правовымъ интуитивизмомъ, во многомъ сближающимъ Петражицкаго съ феноменологическимъ теченіемъ нѣмецкой философіи.

Сборникъ заключается обстоятельно и тщательно составленнымъ обзоромъ новой русской литературы по философіи права. Этотъ обзоръ, конечно, только отчасти восполняетъ отмѣченное преобладаніе въ сборникѣ систематическаго философствованія надъ изложеніемъ. Возвращаясь къ сборнику въ цѣломъ, отмѣтимъ еще отсутствіе въ немъ особой статьи, посвященной характеристикѣ русскаго народническаго социализма, ведущаго свое происхожденіе отъ все же столь *русскаго* мыслителя, какъ А. Герценъ, и отличающагося отъ западно-европейскаго социализма (въ особенности отъ марксизма) въ меньшей степени, чѣмъ русскій анархизмъ отличается отъ западнаго.

Sergius.